

РЕЦЕНЗИИ

МЕНТАЛИТЕТ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. Середина 1880-х — 1920-е годы

В 2003 г. преподаватель Иркутского государственного университета В. Титов опубликовал книгу «Менталитет крестьянского протеста в Восточной Сибири (середина 1880-х — 1920-е годы)». И вот книга появилась во Владивостоке, ее прочитали сотрудники центра социальной истории и политики. Можно сказать, что состоялся обмен мнениями, и в результате выявились некоторые общие точки зрения на весьма оригинальный труд иркутского историка.

Начать заметки хотелось бы с общего впечатления. Данный труд своеобразен уже потому, что в нём сочетается научная методика с документами, с популярным стилем и лирическими мотивами (с. 13. Завещание графа А.П. Валуева, главы МВД в царствование Александра II, выполненное в стихах). И это по теме, которая фактически раскрывает проблему социального конфликта, непростую повседневную жизнь крестьянства. Вероятно, такой подход определяется влюблённостью автора в крестьянскую историю.

Работа состоит из трёх глав, формулировка названий которых также своеобразна. Глава 1. «Крестьянская проблематика протеста в литературе, в методе и в статистическом факте», глава 2. «Основные направления протеста как отражение потребительских ценностей сельского населения», глава 3. «Революционное мировоззрение «маленького человека» в Сибири: в работе, обычаях, надеждах». Приведённая структура отражает авторскую концепцию книги и фактически сразу же настраивает читателя на ознакомление с предложенной автором содержательной характеристикой «менталитета крестьянского протеста». Хотя само определение этого понятия спорно. Целью книги скорее является изучение роли протеста в крестьянском менталитете. Возникает закономерный вопрос о соотношении этих двух категорий в рамках данного исследования.

Работа необычна ещё и тем, что в ней фактически два введения, одно из которых носит название «Протест «Белой смерти»». В нём с помощью «подсказанного» автору ссыльными поляками термина «белая смерть» обозначена специфика сибирских условий.

Начало работы, как и некоторые положения книги, не бесспорно, но тем и интересно «детище» историка, что оно заставляет читателя постоянно быть наготове, вступать в диалог, полемику с автором и не скучать. Книга снабжена табличным материалом, вошедшим также и в приложение, отражающее творческую лабораторию автора.

Следует отметить научную смелость выводов автора при разработке методики исследования жизни сибирского крестьянства, хотя в научном поиске автору не удалось избежать явной категоричности, а порой и противоречивости в собственной позиции. В. Титов на с. 33 пишет: «Вообще вся методология изучения социально-экономических явлений, отображающих поступательный ход общечеловеческих ценностей, развитие менталитета отдельных групп населения, строятся на лингвистике». И здесь отвечает сам на поставленный вопрос: «Почему на лингвистике? Да потому, что лингви-

стика — это правила, установленные самой жизнью». Такое научное категорическое заявление может быть рассмотрено, но с большим набором оговорок. Безусловно, исследователь изучает тексты, с помощью которых зафиксированы исторические факты, но более продуктивно использовать разнообразные методы работы с источниками, в том числе и письменными.

Чтобы доказать свою позицию, В. Титов приводит многочисленные выдержки из работ маститых учёных М. Блока, Ф. де Соссюра, А. Дюпрона. Поддерживая В. Титова в том, что в задачу историка входит и воссоздание смысла слов в прошлом, всё-таки хотелось бы заметить, что это лишь одна из задач исследователя. Разгадка смысла слов вне описания событий, а также традиций не может привести к полной достоверности реконструкции исторической картины.

Несколько слов хотелось бы сказать об использовании автором достижений зарубежных учёных. Стремление отечественных историков познакомиться с ними существовало всегда, даже в условиях борьбы с буржуазными фальсификаторами. Однако сегодня эта тенденция переросла в оживлённое, но не всегда продуманное использование накопленного опыта. В. Титов при работе с документами обращается к теории «компейджа» (дословно означает «сжатие» информации, разработка которой принадлежит американскому географу Д. Уитлеси). Теория представляет собой интеллектуальную конструкцию, предназначенную для воссоздания планируемого образа, используя при этом ограниченное число достоверных фактов, отобранных соответственно со взглядами исследователя. Автор рецензируемой монографии считает, что в Сибири в изучаемый период в наибольшей степени существовали следующие лексические образы-представления: оскудение — нищенство крестьян; чалдонность — несостоятельность и притеснение, право местного обычая; политизированные представления крестьян с 1905 по 1922 гг.

Иркутский историк, воссоздавая социально-психологические аспекты протеста, достаточно умело опирается на достижения А.Ф. Лосева. Для молодых учёных, работающих в области социальной истории, наверное, было бы полезно ознакомиться с разделом «Методика работы с источниками» (С. 28—50).

Несмотря на то, что некоторые специфические черты социальной истории сибирского региона уже рассматривались в трудах предшественников, тем не менее вопрос их влияния на протестное поведение остаётся малоизученным.

В целом же всемерной поддержки заслуживает попытка автора использовать положения ряда концепций французских и английских школ при работе с текстами, имеющими различный характер происхождения, и в некотором смысле ее следует признать успешной.

В. Титов использовал нормативные акты, делопроизводственные документы, исходящие от сельского населения и от чинов местной полиции, фиксировавших протестные выступления. На основе жалоб и отчётов полиции историк устанавливает «формы и виды крестьянских протестов». Удачным решением автора явилась методика сопоставления официальных представлений о протесте через определение такового в нормативных актах, приказах и распоряжениях и представлениях самого крестьянства. Титов выделяет группы «примеров протестов», определяющих в официальных документах (отчётах, полицейских сводках и т.п.) типичные сюжеты протестов и дающих описание самому этому понятию.

Что касается восприятия протестов крестьянским населением, то автор, исходя из данных определённого им круга источников, отбирает следующие их виды: по месту возникновения, по целям, поставленным протестующими,

по развитию и ходу протекания протеста. Рассмотрены также формы представлений крестьянства: жалобы и прошения, слухи и домыслы, а также действия протестующих (сходки мира, постановления сельского схода, отказ от оплаты податей и недоимок) (С. 87). Но это всё представления о протестах самих участников, а как понимает и какие формы протеста выделяет сам автор? Его позиция в книге остаётся несколько расплывчатой, хотя исследовательский поиск в данном направлении представляется на современном этапе развития исторической науки весьма актуальным.

Автор монографии подчёркивает «ссылную» специфику региона, влияющую на предрасположенность жителей к насилию, преступлениям, а также к возникновению протестов как реакции на эти явления (С. 76). К особенностям региона он относит наличие этнических протестов против «цыган и татар», в частности, обвиняемых крестьянами в воровстве, что становилось предметом судебного разбирательства. По Титову, право на собственное законодательство — специфический элемент в социальных протестах сибирского крестьянства. Стремление крестьянина получить лучшие усадебные и пахотные наделы стало ведущим мотивом протестов и протестных представлений сибирского сельского населения. Среди прочих Титов выделил также недовольство сельского населения по поводу совместного проживания со ссылкойпоселенцами, постоянного чиновничьего произвола, неправильных наложений повинностей. Автор пришел к заключению, что на рубеже 1880-х годов протесты перестают быть экстраординарным событием.

В монографии рассматривается вопрос о конфликтах между старожильческим и новым населением и их причинах, а также между старожилками и «инородцами». Исходя из той роли, которую играла переселенческая политика, В. Титов выделяет районы особого протестного поведения.

Оценивая восприятие населением чиновников, на С. 81 Титов пишет, что, решая свои собственные проблемы, крестьяне «...предпочитали обращаться к своему непосредственному начальству либо адресовали прошения генерал-губернатору...» Предполагалось, что главный начальник края лучше осведомлён о местных проблемах, и на С. 86 книги сказано: «Протестующие ассоциировали всё негативное с присутствием чиновников, присланных из центра». Всё чиновничество, административная верхушка, приезжавшая из центра, воспринималась как чужая, «российская».

Надо заметить, что Титов подошёл к мысли о степени приемлемой, допустимой по собственному мнению крестьян, их эксплуатации, но не показал критерии для определения критической массы негативных условий, при которых был возможен переход к открытому социальному протесту. На наш взгляд, вышеперечисленные замечания возникли вследствие сужения тематического поля исследования. Рассмотрение лишь социально-экономических причин, обусловивших наряду с другими (социальными, природными и культурными) факторами конфликтное и протестное поведение, оперирование лишь набором «образов-представлений», несколько ограничило возможности раскрытия автором содержания и эволюции в данный исторический период ментальных установок, ценностей, представлений и стереотипов восприятия изменяющейся действительности сибирским крестьянством.

При наличии ряда спорных и дискуссионных моментов монография В. Титова может быть интересна не только профессионалам—историкам, но и журналистам, социологам, социальным работникам. Хотелось бы также рекомендовать данную книгу и аспирантам для подготовки к сдаче кандидатского минимума.

А.С. ВАЩУК, д-р ист. наук,
А.П. КОНЯХИНА, мл. науч. сотр.